

Вэйиньсы отчетливо помнил, как появился этот шрам. Ему было пятнадцать, когда во время тренировки он случайно вонзил зачарованный кинжал в грудь Сэна.

Тогда кровь учителя в одно мгновение залила всё, что видел Вэйиньсы. Он застыл на месте, не зная, что делать. Умрет ли учитель? Накажет ли он его, когда рана затянется?

Однако Сэн лишь невозмутимо принялся наставлять его, как обработать рану целебными травами, которые оказались под рукой, и впервые продемонстрировал Вэйиньсы свое высочайшее мастерство целительной магии. Утешая ученика словами о том, что первым зачарованным оружием действительно трудно управлять и нужно просто больше практиковаться, он продолжал врачевать себя. Когда от пронзенной груди остался лишь шрам, Сэн принялся обучать его технике сочетания магии с оружием.

В то время Вэйиньсы полагал, что, несмотря на могущество целительной магии Сэна, некоторые глубокие раны неизбежно оставляют шрамы. Но спустя годы наблюдений он понял: шрамы остаются лишь от тех ран, которые он наносил учителю собственноручно. В его сердце зародилось подозрение: возможно, Сэн делал это намеренно, чтобы каждый раз, глядя на шрам, Вэйиньсы испытывал чувство вины и добровольно подчинялся приказам.

В те годы его чувства к Сэну были смешаны с благоговением и зависимостью.

Вэйиньсы провел рукой по шраму, и прикосновение заставило его сердце дрогнуть. Он резко дернулся и с силой толкнул Сэна на пол.

Какими бы ни были чувства в прошлом, сейчас Вэйиньсы хотел лишь уничтожить человека перед собой, растоптать ту силу, что когда-то его оберегала.

Сэн рухнул на твердый пол, из горла вырвался глухой стон. Его короткая рубаша превратилась в лохмотья, обнажив крепкие, гармонично сложенные мышцы торса. Сознание Сэна затуманилось, он едва мог держать глаза открытыми, глядя снизу вверх на стоящего перед ним Вэйиньсы.

Алые глаза Вэйиньсы ярко светились в полумраке, в них бурлили сложные чувства: ненависть, гнев, отвращение, наслаждение и то, в чем он сам не хотел себе признаваться — желание.

Это желание не было простым физическим импульсом, оно стало искаженным выплеском эмоций, в которых сплелось слишком многое.

Вэйиньсы хотел доказать Сэну, что больше не является тем ребенком, которым можно помыкать. Он жаждал отомстить за годы контроля. Но еще больше он хотел убедиться, осталось ли в сердце этого человека хоть что-то, кроме ненависти.

Он склонился и снова поцеловал Сэна. В этот раз движения были медленнее, но в них по-

прежнему сквозила непреклонная агрессия. Губы Сэна слегка дрожали, словно он хотел ответить, но в то же время сопротивлялся. Действие препарата обострило его чувства, и в этом странном состоянии он не мог понять, что испытывает — боль или что-то иное.

Впрочем, Вэйиньсы было всё равно.

Его рука скользила по телу Сэна, ощущая, как напрягаются и подрагивают мышцы под кожей. Температура тела Сэна опасно поднялась — препарат не только парализовал нервную систему, но и заставил тело гореть в лихорадке.

— Учитель... — прошептал Вэйиньсы ему на ухо, голос звучал хрипло и двусмысленно. — Разве ты не хотел остаться? Что ж... оставайся со мной навсегда.

Слова Вэйиньсы стали невидимыми оковами, намертво связавшими их двоих.

Сэн слабо застонал, в его разноцветных глазах заблестели слезы, придавая ему облик разбитой красоты. Казалось, он хотел что-то сказать, но лишь вцепился в плечо Вэйиньсы, пытаясь остановить его. Его бессильные ногти царапали кожу, оставляя алые полосы.

Однако это слабое сопротивление лишь подлило масла в огонь, окончательно пробудив тьму в глубине души Вэйиньсы.

Он больше не колебался, давая волю годам скопившейся обиды и возникшему искаженному желанию.

Свет в комнате мерк, шум за окном стихал. Остались лишь тяжелое дыхание двоих и редкие стоны боли, вырывавшиеся из груди Сэна.

Вэйиньсы любовался раскрасневшимся от зелья и алкоголя лицом Сэна, вглядывался в его глаза — потерявшие фокус, но сохранившие упрямый отблеск чувств. Он смотрел на опустившиеся уголки губ учителя, и в душе поднималось смешанное чувство триумфа и пустоты.

Он сделал это. Он отомстил, он подчинил этого человека, довел его до унижительного состояния, взял под полный контроль, заставил повиноваться. Но почему же сердце так болит?

Словно тупой нож медленно кромсал его плоть.

Вэйиньсы опустил взгляд на едва заметный шрам на груди Сэна, а затем на красные следы от его ногтей на своих руках.

Они были так похожи и в то же время так не похожи.

Они одного рода, с одинаковой магией.

Они учитель и ученик, когда-то неразрывно связанные.

Они — кошмар друг для друга и узы, от которых невозможно избавиться.

...

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем всё стихло.

Вэйиньсы сидел на полу, тяжело дыша; одежда прилипла к вспотевшему телу. Он безучастно смотрел на свернувшегося на полу Сэна, который окончательно потерял сознание, и размышлял, что делать дальше.

Лицо Сэна лишилось всякой крови, разноцветные глаза были плотно закрыты, длинные ресницы подрагивали. Одежда в родном стиле, которую Вэйиньсы ненавидел всей душой, была разорвана в клочья и валялась на полу, обнажая новые ссадины на теле учителя.

Серебристые волосы и ресницы Сэна окрасились кровью, изящные пальцы распухли, повсюду виднелись синяки — невозможно было представить, что когда-то они могли появиться на этом теле. Грудь мерно, но слабо вздымалась, доказывая, что он жив.

Вэйиньсы долго смотрел на него, испытывая противоречивые чувства. Убить его сейчас и навсегда избавиться от кошмара, который его сковывает? Или, пока он не может сопротивляться, продать его, чтобы он отведал тех же страданий, что выпали на долю самого Вэйиньсы? Но что потом?

Обида, копившаяся годами, казалось, нашла выход, но на смену ей пришла еще более гнетущая пустота.

Он встал, пошатываясь — алкоголь начал действовать. Вэйиньсы дошел до своей спальни, взял чистое одеяло и, вернувшись, укрыл Сэна.

Сделав это, он словно лишился всех сил, прислонился к стене и медленно сполз на пол.

Глядя на бесчувственного Сэна, он прошептал с горечью:

— Старый черт, почему ты появился передо мной именно сейчас...

Он не знал, правильно ли поступил. Возможно, с самого начала в этом не было ни правды, ни лжи.

Он знал лишь одно: с этого дня их отношения с Сэном, вероятно, окончательно рухнули в бездну, откуда нет возврата.

Использование яда для лишения свободы — это крайняя степень жестокости, но в то же время это способ навеки связать их судьбы.

Этим поступком он заявил о своем бунте, но в то же время приковал себя к Сэну еще крепче.

За окном небо начало светлеть, Голос Миража погрузился в предрассветную тишину. Лишь ветер по-прежнему завывал в песках, словно рассказывая о древности и запустении этого города.

В комнате царил покой, лишь их дыхание сплеталось воедино.

Вэйиньсы закрыл глаза, обессиленно прислонившись к стене.

Он представлял, что ждет его, когда Сэн придет в себя. Будет ли это гнев и месть? Или он снова встретит его своим спокойным, улыбчивым видом, продолжая делать всё по-своему? Уйдет ли Сэн отсюда сам?

Что бы ни случилось, ему придется с этим столкнуться.

Потому что это путь, который он выбрал сам.

Путь, вымощенный ненавистью и искаженными чувствами, ведущий в неизвестную бездну.

<http://bllate.org/book/22458/2361946>